

Большинство культиваторов меча обладали странной особенностью: они презирали власть, но готовы были сломать зубы ради красоты. Увидев Се Жунцзяо, они сразу решили, что человек с такой величественной внешностью и ослепительной красотой, редкой даже в Девяти Областях, не может быть ненадёжным.

К тому же, разве он может быть менее надёжным, чем их мастер?

Фан Линьхэ, старший ученик Врат Меча, первым выступил вперёд и почтительно поклонился Цзян Цзинсину:

— Осенняя охота будет проходить под вашим руководством, старший. Я, Фан Линьхэ, являюсь лидером отряда на Северной охоте и прошу ваших указаний.

Се Жунцзяо ответил на его поклон.

Он был одним из четырёх талантов, наряду с Шэнь Си из Академии Буцзэ.

Фан Линьхэ из Врат Меча.

Цзян Цзинсин, который давно не слышал таких почтительных слов, на мгновение растерялся, но быстро вспомнил, как нужно отвечать:

— В таком юном возрасте уже обладаешь выдающимися способностями. Врата Меча действительно воспитывают таланты.

Фан Линьхэ сохранял спокойствие, не проявляя ни гордости, ни скромности:

— Просто стараюсь не подводить предков.

Его тон был одновременно скромным и не скромным.

История Врат Меча насчитывала тысячи лет, и среди их учеников было не одного святого.

Мастер Ян, торопясь вернуться к культивации, быстро сказал:

— Отправляемся завтра, как и планировали. Идите готовиться.

Неизвестно, как он это сделал, но его фигура, казавшаяся такой степенной, в одно мгновение исчезла, оставив после себя лишь пыль. Он даже забыл организовать жильё для троих гостей.

Фан Линьхэ восхищённо произнёс:

— Мастер Ян — человек великой силы воли, пример для нас, учеников.

Молчаливые ученики внутренне сопротивлялись идее брать мастера за образец.

Цзян Цзинсин, который много лет поступал как хотел и не склонял головы ни перед кем, кроме Се Жунцзяо, не мог искренне похвалить его «проницательный» взгляд, затуманенный жиром.

Се Жунцзяо тоже не находил слов.

Только Лу Биньвэй, не моргнув глазом, сказал:

— Мастер Ян полностью погружён в культивацию, отрешён от мирских забот, чист, как

ребёнок, достиг уровня святого. Истинный стиль великой школы.

Се Жунцзяо не мог понять, искренне ли он хвалил или говорил с подтекстом.

Фан Линьхэ, видимо, принял комплимент с благодарностью и любезно предложил им комнаты:

— Наше жильё скромное, надеюсь, вы не посчитаете его недостойным.

Лу Биньвэй ответил с взаимной любезностью:

— Мы рады почувствовать атмосферу великой школы.

Се Жунцзяо с уважением посмотрел на Лу Биньвэя.

— Мы собираемся отправиться на Северную охоту, и я хотел бы изменить свою внешность. Как вы, Святой и Буцзэ, планируете поступить?

Цзян Цзинсин вежливо отказался:

— Сын, я ценю твою заботу, но если ты испортишь моё лицо, множество девушек будут опечалены. Давай не будем.

Даже когда его маленький замысел был раскрыт, Лу Биньвэй не смутился:

— Если вашу личность раскроют, это будет не моя вина.

Он бросил взгляд на Се Жунцзяо, надеясь, что единственный человек, способный обуздать Цзян Цзинсина, скажет что-нибудь.

Однако Се Жунцзяо неправильно понял его и отказался:

— Благодарю за предложение, брат Юю, но я не так известен, и, путешествуя, я не раскрывал свою личность. Думаю, меня мало кто узнает, так что не стоит беспокоиться.

Се Жунцзяо, несмотря на годы, проведённые под влиянием Цзян Цзинсина, сохранил половину изящных манер, присущих ученику знатной семьи.

По сравнению с Цзян Цзинсином, даже его непонимание заставило Лу Биньвэя подумать, что если бы этот Цзян обладал хотя бы третью манер своего ученика, они бы не стали такими «друзьями на жизнь и смерть».

Друзьями, где один желает смерти другому.

Цзян Цзинсин с праведным гневом заявил:

— Лу Юю, ты завидуешь моей красоте и хочешь изменить моё лицо. Я не стану тебя упрекать, ведь я не настолько мелочен, чтобы не выносить чужой зависти. Но ты даже хочешь лишить нас красоты Ацзы, лишив нас зрелища на пути. Твои намерения слишком злоеци.

Лу Биньвэй нервно дёрнулся, явно колеблясь между желанием крикнуть «Кто завидует твоей красоте?» и пропустить все стадии и сразу перейти к драке.

Даже Се Жунцзяо захотелось совершить учителеубийство.

Он сдержал порыв вытащить меч и стукнуть по столу, выдавив:

— Учитель, ты действительно не боишься, что тебя узнают?

Вспомнив, что количество людей, которых Цзян Цзинсин когда-либо бил, могло составить целый полк, который можно было бы отправить на север, или выстроить от ворот дворца до последней лавки на улице Чжуцуюэ, он не понимал, откуда у Цзян Цзинсина такая уверенность.

Особенно если учесть, что Цзян Цзинсин был очень придирчив, и те, кого он бил в молодости, теперь стали главами семей и мастерами сект. Если в Северной Пустоши он встретит всех этих людей, которые скорее друзья, чем враги, и начнёт драку раньше, чем столкнётся с людьми Пустоши, то это будет зрелище...

Достаточное, чтобы Цзян Цзинсин рассказывал о нём три года.

Цзян Цзинсин:

— Ацзы, не волнуйся. Те, кто не должен знать, не узнают, а те, кто должен, не станут говорить.

Как всегда, Цзян Цзинсин говорил серьёзно только с учеником.

Лу Биньвэй с сожалением цокнул языком, сожалея, что не смог изменить лицо Цзян Цзинсина.

Иначе он бы держал этот факт над ним всю жизнь и рассказывал о нём в армии как минимум три года.

Видно, что их вечная вражда не была односторонней.

Оба были виноваты.

С момента основания Северной Чжоу Южный регион и Северная Чжоу не вмешивались в дела друг друга, но Врата Меча, как одна из Трёх Сект, имели значительное влияние в Девяти Областях, и императрица Цзян не могла их ни задобрить, ни обидеть.

Подчинённые, понимая её настроение, хотя и находились в напряжённой ситуации, после подтверждения личности учеников Врат Меча быстро их пропустили.

На скакунах, гонящихся за ветром, они преодолели расстояние в тысячи ли от Врат Меча до северной границы за два-три дня.

Они прибыли на территорию военного губернатора Северной Чжоу, где, в отличие от богатых и роскошных южных городов с высокими башнями и изящными крышами, здания были не выше трёх этажей, а в каждом посёлке стояли десятки крепостей. Ветер и песок заменяли пышную растительность, а высокие и грубые стены внушали чувство непреодолимой мощи.

По сравнению с живописными пейзажами юга, где всё было гармонично и изысканно, здесь преобладало несколько мутных цветов, создавая грубую, но первобытную красоту.

Единственным недостатком был военный губернатор, не поддерживавший императрицу Цзян, который допрашивал их, требуя назвать имена всех предков Врат Меча, чтобы доказать свою чистоту.

Цзян Цзинсин, конечно, не мог говорить — это сразу бы его выдало.

Фан Линьхэ выступил вперёд, нахмурившись и подумав:

— Предки говорили, что мы, культиваторы меча, должны сосредоточиться на тренировках, а всё остальное — второстепенно.

Как человек прямого и холодного характера, Се Жунцзяо быстро понял, что он имел в виду:

Сам он тоже не помнил имена предков Врат Меча.

Цзян Цзинсин задумался глубже.

В конце концов, Ян Жопу не любил напоминать заветы Врат Меча, и одного взгляда на них было достаточно, чтобы отправить его в секту Будды для очищения. Ученики Врат Меча, судя по всему, тоже не помнили, так что Фан Линьхэ мог придумать что угодно.

Настоящий культиватор меча, готовый всю жизнь посвятить мечу, мог без раздражения повторять «заветы Врат Меча» снова и снова.

Наконец, заветы Врат Меча столкнулись с препятствием у ворот одного из военных губернаторов.

Се Жунцзяо был слишком заметен. Ему не нужно было делать лишних движений — просто сидя прямо на лошади, он был как яркий свет, пробивающийся сквозь песчаные бури, ослепляющий и заставляющий глаза щуриться.

Разве среди культиваторов меча бывают такие красивые люди?

Страж не мог не посмотреть на него ещё раз:

— Молодой господин, ваш наряд не похож на одежду ученика Врат Меча.

Культиваторы меча были известны своей бедностью. Врата Меча, как большая секта, были немного лучше, но Се Жунцзяо, с его одеждой, кричащей о богатстве, был исключением.

Се Жунцзяо спокойно ответил:

— У меня богатая семья.

Его слова, как стрела, пронзили колено стража, у которого не было богатой семьи.

Никто не запрещал культиваторам меча быть богатыми, и страж, проверив документы Се Жунцзяо, быстро отпустил их.

Внутри повозки Лу Биньвэй уговаривал:

— Буцзэ, твой наряд слишком выделяется в Северной Пустоши. Во время Зимней охоты там царит беззаконие, и такие, как ты, с виду новички и с большим состоянием, становятся лёгкой добычей.

Короче говоря, кто богат, тот и цель.

Се Жунцзяо был идеальной жертвой для грабителей.

Юноша редко улыбнулся:

— Именно этого я и хочу.

Люди Пустоши убивали, чтобы доказать свою силу, а разбойники и бандиты Северной Пустоши были самыми жестокими из них.

Убивать их было удовольствием.

Пересекая территорию военных губернаторов, они вошли в Северную Пустошь. Зная о её опасностях, Фан Линьхэ не хотел рисковать и решил остановиться на ночь в маленькой деревне на границе Дома Чжоу и Северной Пустоши, чтобы набраться сил перед входом в пустошь.

<http://bllate.org/book/16198/1453591>